

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/EO.2016.001>

Филип Некрашевич
(Белорусский
Государственный Университет-
-Минск, Беларусь)

Тайные общества Отдельного Литовского корпуса

Słowa kluczowe: Samodzielny Korpus Litewski; tajne stowarzyszenia; wolnomularstwo; dekabryści.

Key words: Independent Lithuanian Corps; secret societies; Masons; Decembrists.

Отдельный Литовский корпус

Включение территорий Речи Посполитой в состав Российской империи стало причиной появления на ее землях народно-освободительного движения. После окончания Наполеоновских войн это движение все больше приобретает конспиративный характер. Противники российских властей, не имея возможности протестовать открыто, объединяются в тайные общества, целью которых была подготовка к массовому выступлению против российских властей. Условно данные общества можно разделить на два типа: студенческие и военные. На территории белорусских губерний первые были представлены конспиративными кружками Виленского учебного округа, вторые – тайными организациями Отдельного Литовского корпуса.

Создание Отдельного Литовского корпуса было составной частью так называемого «польского вопроса». Согласно с заключительным актом Венского конгресса, практически все Княжество Варшавское присоединялось к Российской империи и получало автономное управ-

ление и конституцию. В дальнейшем российское правительство должно было распространить действие конституции на всей территории «Польши в границах 1772 г.».

Похожая ситуация имела место и в белорусско-литовских губерниях. Местная элита сохраняла надежду на присоединения края к Королевству Польскому. С целью усиления позиций Российской империи на международной арене, эти надежды поддреживал и российский монарх. Александр I неоднократно высказывал желание расширить границы Королевства Польского¹.

Определенные мероприятия, которые осуществил монарх, будто бы подтверждали его планы. В 1816 г. произошла либерализация таможенного тарифа, а в 1819 г. был заключен таможенный союз между Российской империей и Королевством Польским. В 1816–1819 гг. на руководящие должности в белорусско-литовских губерниях были назначены местные уроженцы, а 1 июля 1817 г. император подписал указ о создании Отдельного Литовского корпуса².

Корпус состоял из 27-й (Брестский, Белостокский, Литовский, Виленский пехотные, 47-й и 48-й егерские полки) и 28-й (Волынский, Минский, Подольский, Житомирский пехотные, 49-й и 50-й егерские полки) пехотных, Литовской уланской (Татарский, Польский, Литовский, Волынский уланыские полки), Литовской артиллерийской дивизии (24-я и 25-я артиллерийские бригады), а также Литовского пионерного батальона, Литовской фушштатской бригады. Кроме того, в 1817–1823 гг. в состав корпуса входила Литовская гренадерская бригада (Луцкий и Самогитский гренадерские полки, Несвижский карабинерный полк), а также 4 гвардейских полка (лейб-гвардии Волынский и Литовский пехотные, Подольский кирасирский, уланыский е.и.в Цесаревича)³.

В 1823 г. структура Отдельного Литовского корпуса была окончательно сформирована. Гвардейские и гренадерские полки были выведены из состава соединения и объединены в Резервный корпус (дисло-

¹ Н. Mościcki, *Projekty połączenia Litwy z Królestwem Polskiem w okresie 1813–1830 r.*, Warszawa 1921, с. 86.

² П. Бригадин, *Минские губернаторы: история власти*, Минск 2009, с. 77.

³ Чиновники Военного министерства, *Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской Императорской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия*, Санкт-Петербург 1828, с. 694–736.

цировался в Варшаве и Белостокской области). Это соединение также подчинялось цесаревичу Константину Павловичу⁴.

Отдельный Литовский корпус дислоцировался на границе с Королевством Польским. Штаб корпуса размещался в Белостоке, 24-я пехотная дивизия была расквартирована в Гродненской (штаб-квартира в Гродно), 25-я пехотная дивизия – в Волынской (штаб-квартира в Дубно), Литовская уланская – в Гродненской и Минской губерниях (штаб-квартира в Слониме), артиллерийские и вспомогательные соединения – в Белостокской области.

Цесаревич Константин Павлович только номинально возглавлял Отдельный Литовский корпус: являясь главнокомандующим польской армии, он одновременно находился в Варшаве. Фактически руководство осуществлял командир корпуса. Эту должность в разное время занимали: Ф. Ф. Винценгероде (1817–1819 гг.), генерал-лейтенант Ф. Ф. Довре (1819–1827 гг.), генерал от кавалерии А. П. Ожаровский (непродолжительное время после Ф. Ф. Довре) и генерал от кавалерии Г. В. Розен (1827–1831 гг.).

Общая численность Отдельного Литовского корпуса после его окончательного формирования достигала 31 500 человек. Рекруты для корпуса набирались среди уроженцев западных губерний Российской империи: Волынской, Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, а также Белостокской области. Российское командование желало, чтобы местная шляхта поступала на службу в Отдельный Литовский корпус. В целом, шляхта положительно относилась к службе в Отдельном Литовском корпусе: уроженцы западных губерний составляли примерно 50% его офицерского состава.

В 1820-х гг. Отдельный Литовский корпус стал одним из центров формирования тайных обществ. Достоверно известно, что в нем существовали две подобные организации – общества «Друзей» и «Военных друзей». Их деятельность подробно рассмотрена в исследовани-

⁴ РГВИА, ф. 25, Военная канцелярия цесаревича Константина Павловича, оп. 2, д. 373, О наименовании цесаревича главнокомандующим Литовским Отдельным корпусом, с предоставлением власти над губерниями Виленскою, Волынскою, Гродненскою, Минскою, Подольскою, Белостокскою областью, 1822 г., л. 1; РГВИА, ф.25, Военная канцелярия цесаревича Константина Павловича, оп. 2, д. 454, О увольнении от службы генералов, штаб и обер-офицеров, классных чиновников и юнкеров, 1825 г., л. 220.

ях Н. К. Орловой⁵, а также монографиях В. В. Шведа⁶. Поэтому автор остановился на характеристике этих организаций исходя из особенностей Отдельного Литовского корпуса, попытался выявить связи с декабристскими организациями и польскими тайными обществами.

Масоны

Огромную роль в становлении тайных обществ в российской армии, в том числе и в Отдельном Литовском корпусе, сыграли масонские ложи. В августе 1822 г. император Александр I распорядился об их закрытии. Военнослужащие императорской армии, которые состояли в масонских ложах, должны были дать письменное свидетельство о том, что они покинули их ряды. Это освобождало членов тайных обществ от судебной ответственности. Всего более 517 человек признались в том, что являлись членами масонских лож, из них 102 в тот момент служили в Отдельном Литовском корпусе (19,2%). Из подписантов было: 6 генерал-майоров, 11 полковников, 5 подполковников, 10 майоров, 15 ротмистров, 5 капитанов, 4 штаб-ротмистра, 4 штабс-капитана, 23 поручика, 11 корнетов, 3 прапорщика, 4 портупей прапорщика и юнкера, 1 унтер-офицер. Из высших офицеров масонами были командир 2-й бригады Литовской уланской дивизии генерал-майор А. Г. Игельстром (2-й), в подчинении которого находились практически все офицеры – члены общества «Друзей»⁷.

Большинство офицеров-масонов Отдельного Литовского корпуса служили в Литовской уланской дивизии (43 офицера), и особенно (30 человек) во 2-й бригаде (Вольнский и Литовский уланские полки). В составе гвардейского отряда в Варшаве числился еще 31 офицер-участник тайных обществ. 14 представителей масонских лож служили в гренадерской бригаде Отдельного Литовского корпуса. Наименьшее

⁵ Н. Орлова, *Тайные революционные организации в Литве и Белоруссии в первой четверти XIX века. Общество военных друзей*, Москва 1984, с. 1–287.

⁶ В. Швед, *Беларускія старонкі гісторыі дэкабрыстаў*, Мінск 1998, с. 1–129; idem, *Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі, 1772–1863 гг.*, Гродна 2001, с. 1–415.

⁷ Т. Соколовская, *Материалы по истории масонства в прежней русской армии*, „Русская старина” 1907, т. 130, № 6, с. 659–668; т. 131, № 7, с. 197–216; т. 131, № 8, с. 405–432; т. 131, № 9, с. 643–653.

количество офицеров-масонов находилось в полках 24-й и 25-й пехотных дивизий⁸.

102 офицера-масона Отдельного Литовского корпуса входили в состав более чем 31 масонской ложи. При этом часть из них не указала, к какой конкретно ложе они принадлежали. Многие офицеры сообщали, что они являлись членами нескольких масонских лож.

Все масонские ложи, в которых состояли офицеры Отдельного Литовского корпуса, можно разделить на три вида: находившиеся в городах дислокации корпуса; расположенные за пределами западного края; и заграничные. Среди лож первой группы были: «Узел единства» (Новогрудок, входило 28 офицеров Отдельного Литовского корпуса), «Счастливое освобождение» (Несвиж, 17 офицеров), «Святой Владислав Ягелло» (Слуцк, 14 офицеров), «Полночное шествие под северной звездой» (Минск, 5 офицеров), «Приятель человечества» (Гродно, 1 офицер). Также к этой группе относились ложи: «Золотое кольцо» (Белосток), варшавские ложи «Единость славянская», «Елезвис», «Северный щит», «Минерва», «Казимир Великий», «Храм постоянства»; виленская ложа «Славянский орел» и «Восходящей звезды» (Дубно). Все они являлись символическими и организационно подчинялись «Совершенному единству» (Вильно), которая являлась капитулом «Великого востока Королевства Польского и ВКЛ». В состав прочих российских и зарубежных лож входило незначительное число офицеров⁹.

После революционных событий в Западной Европе, когда масонские организации выступали против правительства, император Александр I 1 августа 1822 г. запретил их деятельность на всей территории Российской империи. В то же время масонские ложи стали основой для создания других тайных организаций.

Так, в общество «Друзей» входило 11 масонов. Принадлежность к масонам позволяла офицерам вступать в общество без присяги по рекомендации «управы» собрания. Все прочие проходили обряд посвящения с масонскими атрибутами. Согласно масонской системе, общество «Военных друзей» разделялось на две степени¹⁰. Однако оно отказалось от масонских атрибутов (обряд посвящения, знаки приветствия), что было продиктовано соображениями конспирации после раскрытия студенческих организаций Виленского университета¹¹.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Н. Орлова, *op. cit.*, с. 59.

¹¹ Ibidem, с. 103.

Общества «Друзей» и «Военных друзей»

Общество «Друзей» было образовано в июне 1822 г. во время летних сборов частей Литовской уланской дивизии. Организация состояла исключительно из военных. Достоверно известно о принадлежности к тайному обществу 29 офицеров и солдат и 4 штабс-ротмистров, 16 поручиков, 5 корнетов, 2 ротмистров, 1 портупей-юнкера и 1 рядового¹². Основателями и лидерами общества «Друзей» стали поручик Литовского уланского полка Ю. Володзько, штабс-ротмистры Волынского уланского полка Ю. Куликовский и А. Хелмицкий. Ю. Володзько происходил из дворян Гродненской губернии, Ю. Куликовский-Минской, А. Хелмицкий-Волынской.

Поскольку общество составляли исключительно военнослужащие Литовской уланской дивизии, ячейки организации действовали в местах дислокации этого соединения: в Слониме, Слуцке, Несвиже, Новогрудке и Деречине. По своему характеру общество «Друзей» можно отнести к организациям филوماتского типа. Следствию не удалось установить действительную цель общества «Друзей», так как члены организации смогли уничтожить все компрометирующие бумаги и договориться о своих показаниях. Сходство правил (идея нравственного самосовершенствования, обращение к сатирическим произведениям как средству борьбы с пороками) свидетельствует о возможном участии в его создании «филоматов». В своем развитии оно осталось на уровне морально-просветительских задач¹³.

Общество «Военных друзей» возникло в июне 1825 г. в м. Цехановец Белостокской области. В его состав входили не только военные, но и гражданские лица. Общество состояло из трех ступеней, причем принадлежность к каждой из них зависела от рода занятий и возраста члена организации. Так, в состав первой, главной ступени входили военнослужащие Отдельного Литовского и Резервного корпусов. Членами второй ступени являлись гражданские лица, третью – составляли участники белостокского отделения тайной молодежной организации «Зоряне». Ячейки общества «Военных друзей» действовали в Белостокской области (Белосток, Брянск, Семятичи).

Лидерами этой организации являлись подпоручик Несвижского карабинерного полка П. И. Гофман, военнослужащие Литовского пио-

¹² Ibidem, с. 253–257.

¹³ Ibidem, с. 55–63.

нерного батальона капитан К. Г. Игельстром, поручик А. И. Вегелин, подпоручик Э. А. Петровский, а также кригс-комиссар А. И. Угричич-Требинский. П. И. Гофман и Э. А. Петровский происходили из дворян Гродненской губернии, А.И. Вегелин и К.Г. Игельстром-Вольнской, а А. И. Угричич-Требинский – Полтавской. Общество «Военных друзей» насчитывало 48 членов, 39 из которых находились на военной, а 9 – на гражданской службе. В основном это были молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет. По своему социальному происхождению они принадлежали к обедневшим дворянам (шляхте), живущим не за счет земли, а за счет жалованья¹⁴.

Главными целями общество «Военных друзей» провозглашало «благо человечества» и «вольность». Под «вольностью» члены организации понимали независимость земель бывшей Речи Посполитой. Программа этого общества также была создана под влиянием идей «филоматов». Однако главное отличие общества «Военных друзей» от студенческих организаций заключалось в методах достижения цели. Если «филоматы» на практике использовали только мирные средства, то общество «Военных друзей» стремилось выполнить поставленные задачи посредством открытого вооруженного выступления¹⁵.

Общество «Военных друзей» находилось на стадии формирования, когда начало активные действия в связи со смертью императора Александра I. 24 декабря 1825 г. заговорщики смогли сорвать присягу Литовского пионерного батальона в местечке Брянск Белостокской области. Вместо произнесения текста присяги императору Николаю I, подговоренные членами общества солдаты в один голос скандировали: «Ура государю цесаревичу Константину Павловичу!». Однако распространить выступление на другие соединения Отдельного Литовского корпуса заговорщикам не удалось. В итоге члены общества были арестованы и осуждены¹⁶.

После разгрома тайных обществ Отдельного Литовского корпуса и Виленского университета усилился контроль за деятельностью молодежи со стороны официальных властей. Несмотря на это, тайные организаций возрождались, хотя и претерпевали серьезные идеологические изменения.

В 1826–1830 гг. новые тайные общества («Черные братья», «Сарматское племя», «Мнезеры»), созданные на белорусских землях, из-

¹⁴ Ibidem, с. 88–97.

¹⁵ Ibidem, с. 101–107.

¹⁶ В. Швед, *Паміж Польшчай і Расіяй*, с. 296.

менили направление своей деятельности. Если раньше просвещение служило основой для выработки революционной идеи, то с этого времени освободительная идеология подпадает под влияние элементов революционного демократизма. В программных требованиях появились положения, связанные с обязательным приобретением оружия с целью борьбы за освобождение Речи Посполитой в границах 1772 г. Социально-культурные вопросы, на которых ранее было сконцентрировано внимание патриотической молодежи, отходили на второй план. Более осторожной стала и деятельность самих тайных обществ, хотя и это не спасло их от раскрытия российскими властями¹⁷.

Особенности этноконфессионального состава военнослужащих Отдельного Литовского корпуса оказали влияние и на формирование программы тайных обществ. Традиционно они имели антифеодальную направленность. В армейских тайных организациях отрицалась «палочная» дисциплина в отношении рядовых. Так, нормы поведения, разработанные для членов общества «Друзей», предполагали дружеское обращение с товарищами и доброжелательное отношение к солдатам. Как свидетельствовали члены общества «Военных друзей», К. Г. Игельстром советовал своим товарищам не применять насилия в отношении солдат, помогать в овладении грамотой. Он же предлагал учредить денежную кассу для помощи бедным рядовым Литовского пионерного батальона¹⁸.

Следует отметить, что в программах обоих обществ значительное внимание придавалось моральному облику их членов. В обществе «Военных друзей» большая роль уделялась самообразованию офицеров во имя «всеобщего блага». Члены общества «Друзей» должны были добросовестно исполнять приказы начальства, не употреблять спиртные напитки и не играть в азартные игры. Среди исследователей данной проблемы (например, С. С. Ланда, Н. К. Орлова) бытует мнение, что подсудимые специально выдумывали подобные, якобы существовавшие правила тайных обществ, желая тем самым смягчить свою вину¹⁹.

Но это, вероятно, не так. Как отмечал активный участник нелегальных организаций в Королевстве Польском И. Прондзинский, одной из

¹⁷ В. Гарбачова, *Сацыяльна-культурныя пытанні ў праграмах беларуска-польскіх таварыстваў у першай трэці XIX ст.*, „Беларусіка = Albaruthenica” 2001, кн. 21, с. 87–92.

¹⁸ Н. Орлова, *op. cit.*, с. 58, 84.

¹⁹ С. Ланда, *У истоков «Оды к Юности»*, „Литература славянских народов” 1956, вып. 1, с. 40–61.

главных причин революционности «Общества подхорунжих» было отсутствие у них карьерных перспектив. В польских войсках подхорунжие могли дожидаться офицерской должности годами. В результате, обзленные молодые люди, в отличие от польских же штаб-офицеров, гораздо жестче реагировали на ситуацию в королевстве. В российских же войсках Константина Павловича подобной проблемы практически не существовало. Особые условия пополнения обер-офицерского состава корпуса позволяли сделать хорошую карьеру в короткие сроки²⁰. Единственным препятствием в продвижении по службе становились пороки самого офицера. Строгое исполнение морально-этических норм, в соответствии с уставами тайных обществ, способствовало бы не только продвижению по службе самого офицера, но и росту влияния организаций.

По мнению историка Н. К. Орловой, программы обоих тайных обществ, несмотря на целый ряд сходств, отличались друг от друга. Так, общество «Друзей» исследователь относит к организациям филломатского типа, а общество «Военных друзей» – декабристского типа²¹. Для понимания идейных отличий в обществах «Друзей» и «Военных друзей» необходимо проанализировать состав этих организаций.

В следственном деле общества «Друзей» сохранились формулярные списки 22 из 29 членов организации. Только один из них, штаб-ротмистр И. М. Крыжановский, получил военное образование в Дворянском полку. И лишь трое – поручики Д. Диаманди, Н. Романов и корнет М. Езерский – не являлись уроженцами губерний, подчиненных Константину Павловичу²². Все остальные офицеры поступили на службу добровольно. Следовательно, абсолютное большинство членов общества «Друзей» воспитывалось и выросло в белорусских губерниях, здесь же проходило становление их политических взглядов. В данном случае их идейными вдохновителями выступали общественно-политические организации края (масонские ложи и студенческие тайные общества). В отличие от связи с масонами, которую офицеры не отрицали, контакты с «филаретами» и «филоматами» документально не подтверждены. Хотя исследователь С. С. Ланда предположил, что идейным вдохновителем общества «Друзей» мог быть

²⁰ И. Ульянов, *Заметки о польском восстании 1830 г.*, „Русский Архив” 1867, № 5, с. 695–712; I. Prądyński, *Pamiętniki generała*, t. 1, Kraków 1909, с. 186.

²¹ Н. Орлова, *op. cit.*, с. 171–172.

²² РГВИА, ф. 16 230, Военно-судная часть. Отдельный Литовский корпус, оп. 1, д. 647, Следственное дело, произведенное о тайном обществе под названием «Друзей», составленном между офицерами Волынского уланского полка, 1826 г., л. 92–95.

А. Мицкевич²³. В целом, формирование общества «Друзей» проходило в русле общественно-политических идей белорусско-литовского края, и оно не испытывало существенного влияния со стороны декабристов и тайных организаций Королевства Польского.

Совершенно иной была ситуация с обществом «Военных друзей». Несмотря на причастность к нему более 50 гражданских и военных лиц, его организаторами являлись в основном офицеры Литовского пионерного батальона. Эта воинская часть была образована лишь в 1823 г. путем перевода уроженцев Виленской, Волынской, Гродненской, Минской, Подольской губерний и Белостокской области из пионерных частей российской армии. Поэтому в отличие от членов общества «Друзей», участники общества «Военных друзей» проходили обучение и начальный период службы за пределами белорусского региона.

Так, лидер общества К. Г. Игельстром с семи лет воспитывался в 1-м кадетском корпусе. В этом учебном заведении учились будущие декабристы М. И. Пущин и К. Ф. Рылеев. Последний даже находился в одной роте с К. Г. Игельстромом. Затем он служил в 7-м пионерном батальоне, где познакомился с членами общества «Соединенных славян» П. Громнитским, В. Бечасновым, И. Киреевым и Я. Андреевичем²⁴. Точно такой же карьерный путь проделал и поручик А. И. Вегелин. Подпоручик Э. Петровский также воспитывался в 1-м кадетском корпусе, однако службу начал во 2-м пионерном батальоне. А. Угричич-Требинский непродолжительный срок учился во 2-м кадетском корпусе, а затем в течении шести лет служил чиновником в С.-Петербурге. И лишь один из пяти учредителей общества, подпоручик П. Гофман, не обучался в кадетских корпусах, а сразу поступил на службу в Отдельный Литовский корпус²⁵.

Следственной комиссии не удалось доказать связь между обществом «Военных друзей» и декабристами. Тем не менее, карьерное прошлое участников организации, их политические взгляды, а также план выступления Литовского пионерного батальона указывают на то, что лидеры этого общества были хорошо знакомы с идеями декабристов. Не случайно цесаревич Константин Павлович, исходя из информации, полученной им от следственной комиссии и тайных агентов,

²³ С. Ланда, *op. cit.*, с. 58.

²⁴ В. Швед, *Беларускія старонкі*, с. 45.

²⁵ Н. Орлова, *op. cit.*, с. 89–93.

называл общество «Военных друзей» «пришельцами из 2-й армии»²⁶. Таким образом, хотя оба тайных общества состояли из уроженцев одних и тех же губерний, их общественно-политические взгляды формировались в различных условиях.

Необходимо также учитывать, что репрессии коснулись не всех членов тайных обществ Отдельного Литовского корпуса. Согласно приговору, вынесенному следственной комиссией, понесли наказания лишь активисты общества «Военных друзей». И это несмотря на то, что в восстании участвовал практически весь состав Литовского пионерного батальона. Как свидетельствуют материалы военно-судной части Отдельного Литовского корпуса, командование значительно ужесточило условия службы рядового состава этого батальона. И хотя он был образован в 1823 г., до 1827 г. побегов среди солдат батальона не было. Но в 1827 г., вскоре после окончания следствия по делу общества «Военных друзей», ситуация резко изменилась. В этом году из батальона пытались убежать 5 солдат, в 1828 г. – 10, в 1829 г. – 8. Данные факты позволяют утверждать, что и для рядового состава Литовского пионерного батальона выступление 24 декабря 1825 г. также не осталось безнаказанным²⁷.

Кроме того, власти продолжали слежку за фигурантами выступления Литовского пионерного батальона, вина которых была незначительной. Так, к делу было причастно 10 офицеров Отдельного Литовского и Резервного корпусов. С их помощью общество «Военных друзей» планировало расширить масштабы выступления. По приговору суда их оставили на службе в тех же частях, однако с учреждением надзора. К началу 1828 г. из 10 офицеров на прежнем месте службы осталось лишь трое, а к 1831 г. – только капитан Самогитского гренадерского полка Челов²⁸. Причем о его невинности косвенно свидетельствует тот факт, что офицер был убит повстанцами²⁹.

Схожая ситуация имела место с обществом «Друзей», участники которого отделались лишь предупреждениями. Тем не менее, уже в 1828 г. из 27 офицеров, входивших в общество, на прежних местах

²⁶ М. Семевский, *Цесаревич Константин Павлович – генерал-адъютанту барону Розену*, „Русская старина” 1882, т. 34, № 4, с. 274.

²⁷ РГВИА, ф. 16 230, Военно-судная часть. Отдельный Литовский корпус, оп. 1, Военно-судные и следственные дела, 1813–1830.

²⁸ Чиновники Военного министерства, *op. cit.*, Санкт-Петербург 1828, с. 694–736; *ibidem*, Санкт-Петербург 1829, с. 714–756; *ibidem*, Санкт-Петербург 1831, с. 564–605.

²⁹ А. Зеланд, *Воспоминания о польском восстании и войне 1830–1831 гг.*, „Русская старина” 1892, т. 75, № 9, с. 505–531.

службы оставалось лишь 9, в 1829 г. – 6, а к началу 1831 г. – ни одного. В целом, власти, не имея возможности доказать преступную деятельность офицеров Отдельного Литовского корпуса, переводили подозреваемых в другие воинские части. Так, офицер Самогитского гренадерского полка Строковский, заподозренный в принадлежности к обществу «Военных друзей», в 1831 г. служил в 16-й пехотной дивизии. Поручик Волынского уланского полка, а также активный член общества «Друзей» А. Диаманди в 1831 г. нес службу в Нарвском гусарском полку³⁰.

Связи с декабристами

Важным также является вопрос о том, какую роль отводили Отдельному Литовскому корпусу тайные организации Российской империи и Королевства Польского. Несмотря на то, что основными центрами декабристского движения являлись С.-Петербург, Москва и Киевская губерния (место дислокации 3-го пехотного корпуса), Отдельному Литовскому корпусу также уделялось огромное внимание.

В частности, план восстания Южного общества предполагал агитацию в частях 3-го пехотного корпуса с целью привлечения его на свою сторону. В случае успеха планировался поход на Москву через Киев и Бобруйск³¹. В этих условиях от позиции Отдельного Литовского корпуса зависела судьба восстания, поскольку он мог остановить марш на Москву. Поэтому руководство Южного общества было заинтересовано в том, чтобы Отдельный Литовский корпус поддержал восставшие части 3-го пехотного корпуса³².

Среди декабристов члены Южного общества занимали наиболее прогрессивную позицию по «национальному» вопросу. В отличие от участников Северного общества, выступавших за сохранение целостности Российской империи, руководитель Южного общества П. И. Пестель высказывался за создание независимого Польского государства. В своих многочисленных законопроектах он указывал, что конечной целью преобразований должно стать создание моноэтнического русского государства. Народы, населявшие Российскую импе-

³⁰ Чиновники Военного министерства, *op. cit.*, Санкт-Петербург 1831, с. 564–605.

³¹ М. Покровский, *Восстание декабристов*, т. 5, Москва 1925–2001, с. 55.

³² П. Ольшанский, *Декабристы и польское национально-освободительное движение*, Москва 1959, с. 190.

рию, должны были рано или поздно принять православие и освоить русский язык. Исключение делалось лишь для «польского народа», за которым признавалось право на создание независимого государства³³. Гродненскую, Виленскую, Волынскую, Минскую губернии и Белостокскую область, жителями которых комплектовался Отдельный Литовский корпус, П. И. Пестель признавал неотъемлемой частью будущего Польского государства³⁴. После победы П. И. Пестель планировал провести реорганизацию армии. Уроженцы центральных российских губерний, которые служили в Отдельном Литовском корпусе, должны были переводиться в другие соединения³⁵. В целом, руководители Южного общества признавали Отдельный Литовский корпус «иностранным» соединением, расквартированным на территории будущего независимого Польского государства. Эти идеи П. И. Пестеля определили позицию Южного общества относительно корпуса.

Агитационная деятельность среди военнослужащих Отдельного Литовского корпуса имела свои особенности. Создание декабристами тайных обществ в крупных воинских соединениях велось по строго определенному плану. Для организации успешного выступления в корпусах необходимо было заручиться поддержкой командиров на всех уровнях: от обер-офицеров до командиров полков и бригад. Каждый член тайного общества агитировал офицеров на своем командном уровне (так, полковник агитировал других полковников, корнет – других корнетов итд.). Это позволяло надеяться на то, что все воинское соединение, следуя за своими командирами, поддержит вооруженное выступление. Декабристы пытались заручиться поддержкой полковых командиров³⁶, которые старались вовлечь в тайное общество подчиненных им офицеров³⁷. При создании тайных обществ декабристы большое значение придавали авторитету начальства и желанию подчиненных продвинуться по службе за счет тесных связей со своими командирами³⁸. Примером эффективности подобной схемы может служить восстание Черниговского пехотного полка.

Однако в Отдельном Литовском корпусе подобный способ действий был трудно применим. Рядовой и обер-офицерский состав кор-

³³ М. Нечкина, *Восстание декабристов*, т. 7, Москва 1925–2001, с. 123.

³⁴ Ibidem, с. 125–126.

³⁵ Ibidem, с. 332.

³⁶ М. Покровский, *Восстание декабристов*, т. 4, Москва 1926, с. 112–113.

³⁷ М. Нечкина, *Восстание декабристов*, т. 13, Москва 1975, с. 138.

³⁸ И. Волкова, *Русская армия в русской истории. Армия, власть и общество: военный фактор в политике Российской империи*, Москва 2005, с. 426–427.

пуса состоял из уроженцев губерний, подчиненных цесаревичу Константину Павловичу, а высший офицерский состав – из уроженцев центральных российских губерний и иностранцев на военной службе. Следовательно, декабристы могли рассчитывать на поддержку представителей высшего командного состава корпуса. В свою очередь члены польского Патриотического общества агитировали в основном обер-офицеров корпуса. Это и предопределило тесные взаимоотношения Южного и Патриотического обществ.

Первые переговоры между представителями Южного и Патриотического обществ прошли в 1824 г. в Киеве³⁹. Декабристы, признавая Отдельный Литовский корпус сферой влияния «поляков», не планировали создавать в нем тайное общество. Однако они опасались, что войска корпуса могут воспрепятствовать планам Южного общества. Поэтому «поляки» брали на себя обязательство нейтрализовать корпус⁴⁰. Однако это было невыполнимое условие.

Влияние Патриотического общества в белорусских губерниях ограничивалось узким кругом зажиточной шляхты и отставных офицеров бывшей армии Княжества Варшавского. Так, в 1823 г. участники этого общества обсуждали план захвата Виленского арсенала, в котором должны были участвовать только студенты Виленского университета, а не военнослужащие Отдельного Литовского корпуса. Филиалы организации (провинции) в своей деятельности ориентировались на Варшаву и практически не вели пропаганды. Даже среди войск Королевства Польского Патриотическое общество не имело абсолютной поддержки⁴¹.

На второй встрече представителей Южного и Патриотического обществ, которая состоялась в январе 1825 г. в Киеве, было принято решение о целесообразности совместной работы по созданию тайной организации в Отдельном Литовском корпусе. Поскольку воинское соединение было укомплектовано «польскими» (согласно терминологии Южного общества) и русскими офицерами, предполагалось, что подпольную работу будут вести как русское, так и польское тайные общества. Стороны договорились о выделении для агитации в крае по одному представителю. Южное общество поручило это полковнику И. С. Повало-Швейковскому, Патриотическое – графу П. И. Мошин-

³⁹ П. Ольшанский, *op. cit.*, с. 94.

⁴⁰ L. Baumgarten, *Dekabryści a Polska*, Warszawa 1952, с. 178.

⁴¹ Н. Dylałowa, *Towarzystwo Patriotyczne i sąd sejmowy 1821–1829*, Warszawa 1970, с. 97, 125.

скому⁴². Организации договорились поддерживать между собой постоянную связь и информировать друг друга о ходе работы⁴³.

Деятельность Южного и Патриотического обществ проявилась в попытке создания тайной организации в Минском пехотном полку, который входил в состав 25-й пехотной дивизии Отдельного Литовского корпуса⁴⁴. Эта дивизия была расквартирована недалеко от 3-го пехотного корпуса. В Дубно, где располагалась дивизионная квартира, находился и центр одной из управ Патриотического общества. И. С. Повало-Швейковский и П. И. Мошинский договорились о разграничении действий. Представитель Южного общества должен был привлечь на свою сторону командование полка, а П. И. Мошинский – его обер-офицеров.

Как свидетельствовал пример Черниговского пехотного полка, восстание целой части было возможно лишь в том случае, если повстанцами руководил высокопоставленный офицер. Он должен был разделять идеи декабристов и пользоваться непререкаемым авторитетом среди солдат. Такими качествами, по мнению декабристов, обладал полковник Минского пехотного полка М. А. Ермолов 3-й⁴⁵. Свою карьеру он начал в Свите е. и. в. по квартирмейстерской части, затем, в 1812–1817 гг. служил в л.-гв. Егерском полку. В 1817 г. М. А. Ермолова перевели в Подольский пехотный полк Отдельного Литовского корпуса [195, л. 222–225], где он зарекомендовал себя ответственным офицером⁴⁶.

Не случайно командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал от инфантерии А. П. Ермолов ходатайствовал перед императором о переводе дальнего родственника в свои войска. Не желая терять офицера, цесаревич Константин Павлович в письме к Александру I характеризовал М. А. Ермолова как ленивого и неблагодарного офицера, неспособного к руководящим должностям. В результате, монарх отказал А. П. Ермолову в его просьбе. Тем не менее, через неделю цесаревич добился назначения М. А. Ермолова командиром Минского пехотно-

⁴² И. Горбачевский, *Записки*, Москва 1916, с. 12–13.

⁴³ М. Покровский, *op. cit.*, т. 4, с. 116.

⁴⁴ Н. Dylałowa, *op. cit.*, s. 46.

⁴⁵ М. Покровский, *Восстание декабристов*, т. 9, Москва 1950, с. 87.

⁴⁶ РГВИА, ф. 25, Военная канцелярия цесаревича Константина Павловича, оп. 2, д. 454, О увольнении от службы генералов, штаб и обер-офицеров, классных чиновников и юнкеров, 1825 г., л. 222–225.

го полка, который находился в плачевном состоянии и нуждался в талантливом руководителе⁴⁷.

Новый командир был популярен среди солдат, поскольку удовлетворял все денежные претензии нижних чинов, возникшие в результате халатной деятельности предшественника. М. А. Ермолов проявлял большую заботу о материальном обеспечении солдат и смог довести хозяйственную часть до значительной степени совершенства⁴⁸.

Чем именно завершились переговоры декабристов с полковником М. А. Ермоловым, неизвестно. Однако есть основания полагать, что командир Минского полка сочувствовал идеям заговорщиков, так как 11 февраля 1825 г. он был неожиданно уволен в отставку с чином генерал-майора. В письме к императору Александру I Константин Павлович сообщил, что причиной увольнения стала тяжелая болезнь полковника, которую он скрывал на протяжении двух лет⁴⁹. Позднее, в период следствия над декабристами, когда стало известно о переговорах М. А. Ермолова с заговорщиками, император Николай I поинтересовался у цесаревича, не стоит ли арестовать отставного генерала. Константин Павлович заверил брата, что тот не имеет никакого отношения к декабристам, что М. А. Ермолов проявил себя как блестящий офицер, который ни разу не запятнал свою репутацию⁵⁰.

Возможно цесаревич, обладавший разветвленной разведывательной сетью, узнал о сомнительных контактах своего подчиненного и счел за лучшее уволить его с почестями. В пользу версии о причастности М. А. Ермолова к тайным обществам свидетельствует и тот факт, что цесаревич не разрешил ему вернуться в армию. В начале 1829 г. М. А. Ермолов обратился с просьбой вновь зачислить его на военную службу. Дежурный генерал Генерального штаба, к которому попала просьба М. А. Ермолова, запросил мнение Константина Павловича, и тот выступил против возвращения генерала на службу. При

⁴⁷ П. Любавский, *Приложение к краткому историческому очерку боевой деятельности 54-го пехотного Минского его королевского высочества князя болгарского Фердинанда полка за 100 лет его существования*, Кишинев 1907, с. 321.

⁴⁸ *Ibidem*, с. 100.

⁴⁹ РГВИА, ф. 25, Военная канцелярия цесаревича Константина Павловича, оп. 2, д. 454, О увольнении от службы генералов, штаб и обер-офицеров, классных чиновников и юнкеров, 1825 г., л. 220.

⁵⁰ Д. Кобеко, *Переписка императора Николая Павловича с великим князем, цесаревичем Константином Павловичем*, т. 1, Санкт-Петербург 1910, с. 41.

этом он не объяснил причин своего решения, хотя того требовала форма документа⁵¹.

Деятельность Патриотического общества в Минском пехотном полку была более успешной. П. И. Мошинскому удалось создать небольшую организацию, в которую входили лишь обер-офицеры⁵². Однако отсутствие в тайной организации командиров привело к тому, что заговорщики не смогли выступить и оказать реальную помощь декабристам.

Вопрос о деятельности Южного общества в других частях Отдельного Литовского корпуса остается открытым. Во время следствия некоторые декабристы указывали, что Южное общество, возможно, имеет в соединении больше сторонников, но подсудимые не выдали своих соратников⁵³.

После разгрома обществ «Друзей» и «Военных друзей» деятельность тайных организаций в белорусских губерниях приобретает еще более законспирированный характер. Заговорщики отказываются от ведения активной агитационной деятельности, а в качестве одного из средств достижения своих целей рассматривают вооруженное восстание.

Выводы

Таким образом, Отдельный Литовский корпус являлся местом сосредоточения тайных обществ. Проживая на квартирах обывателей, офицеры имели фактическую свободу передвижения. Все это создавало благоприятную почву для проведения тайных собраний, в том числе с участием гражданских лиц. Поскольку Отдельный Литовский корпус комплектовался в основном местными офицерами, тайные общества развивались в нем под влиянием масонов и студенческих тайных организаций.

Контакты членов тайных обществ Отдельного Литовского корпуса с представителями декабристов (Южное общество) и польских (Патриотическое общество) тайных организаций были ограниченны-

⁵¹ РГВИА, ф. 25, Военная канцелярия цесаревича Константина Павловича, оп. 2, д. 570, Об определении в военную службу недорослей из дворян, и переписка о дворянском их происхождении, 1829 г., л. 344–345.

⁵² М. Нечкина, *Восстание декабристов*, т. 10, Москва 1953, с. 126.

⁵³ Eadem, *Восстание декабристов*, т. 12 Москва 1969, с. 169; idem, *Восстание декабристов*, т. 16, Москва 1986, с. 265.

ми. Это объясняется особым порядком зачисления на службу в соединение. В то же время члены обществ «Друзей», «Военных друзей» и Минского пехотного полка разделяли взгляды П. И. Пестеля на судьбу белорусских губерний. По планам руководителя Южного общества они должны были стать частью будущего независимого Польского государства.

Streszczenie

Tajne stowarzyszenia w Samodzielnym Korpusie Litewskim

Korpus Litewski był częścią armii rosyjskiej w latach 1817–1831. Ta jednostka wojskowa była uzupełniana z rekrutów z zachodnich prowincji cesarstwa rosyjskiego. Współcześni uważali, że utworzenie Korpusu Litewskiego było ważnym krokiem na drodze do osiągnięcia autonomii dawnych ziem Wielkiego Księstwa Litewskiego. W Korpusie Litewskim było kilka tajnych stowarzyszeń. Organizacje te walczyły przeciwko władzy rosyjskiej. Dekabryści i polskie tajne stowarzyszenia przywiązywały wielką wagę do tego związku wojskowego. Starali się stworzyć w Korpusie Litewskim tajną organizację w celu zwiększenia swoich wpływów w armii rosyjskiej. Jednak dekabryści i polskie tajne stowarzyszenia nie miały wiele sukcesów w tym przedsięwzięciu.

Summary

The secret societies of the Independent Lithuanian Corps

Independent Lithuanian Corps was a part of Russian Army from 1817 till 1831. This military unit was consisted of soldiers and officers from western guberniyas. The foundation of the Independent Lithuanian Corps was taken up as an important step on the path to the autonomy on the territory of the former Grand Duke of Lithuania. There were several secret societies in this military unit that fought against Russian government. Moreover, Decembrists and Polish secret societies attached great importance to this military unit. They tried to establish a secret society in the Independent Lithuanian Corps in order to increase their influence in Russian Army. However, they didn't have much success in this enterprise.

Bibliografia

- Бригадин П., *Минские губернаторы: история власти*, Минск 2009.
- Волкова И., *Русская армия в русской истории. Армия, власть и общество: военный фактор в политике Российской империи*, Москва 2005.
- Гарбачова В., *Сацыяльна-культурныя пытанні ў праграмах беларуска-польскіх таварыстваў у першай трэці XIX ст.*, „Беларусіка = Albaruthenica” 2001, кн. 21.
- Зеланд А., *Воспоминания о польском восстании и войне 1830–1831 гг.*, „Русская старина” 1892, т. 75, № 9.
- Кобеко Д., *Переписка императора Николая Павловича с великим князем, цесаревичем Константином Павловичем*, т. 1, Санкт-Петербург 1910.
- Ланда С., *У истоков «Оды к Юности»*, „Литература славянских народов” 1956, вып. 1.
- Любовский П., *Приложение к краткому историческому очерку боевой деятельности 54-го пехотного Минского его королевского высочества князя болгарского Фердинанда полка за 100 лет его существования*, Кишинев 1907.
- Ольшанский П., *Декабристы и польское национально-освободительное движение*, Москва 1959.
- Орлова Н., *Тайные революционные организации в Литве и Белоруссии в первой четверти XIX века. Общество военных друзей*, Москва 1984.
- Покровский М. [гл. ред.], *Восстание декабристов*, Москва 1926–.
- РГВИА, ф. 25, Военная канцелярия цесаревича Константина Павловича, оп. 2, д. 373, 454, 570, 647.
- РГВИА, ф. 16 230, Военно-судная часть. Отдельный Литовский корпус, оп. 1, Военно-судные и следственные дела.
- Семевский М., *Цесаревич Константин Павлович – генерал-адъютанту барону Розену*, „Русская старина” 1882, т. 34, № 4.
- Соколовская Т., *Материалы по истории масонства в прежней русской армии*, „Русская старина” 1907, т. 130, № 6, с. 659–668; т. 131, № 7, с. 197–216; т. 131, № 8, с. 405–432; т. 131, № 9.
- Ульянов И., *Заметки о польском восстании 1830 г.*, „Русский архив” 1867, № 5, с. 695–712.
- Чиновники Военного министерства, *Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской Императорской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия*, Санкт-Петербург 1828–1831.
- Швед В., *Беларускія старонкі гісторыі дэкабрыстаў*, Мінск 1998.
- Швед В., *Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі, 1772–1863 гг.*, Гродна 2001.
- Baumgarten L., *Dekabryści a Polska*, Warszawa 1952.

Dyłałowa H., *Towarzystwo Patriotyczne i sąd sejmowy 1821–1829*, Warszawa 1970.

Mościcki H., *Projekty połączenia Litwy z Królestwem Polskiem w okresie 1813–1830 r.*, Warszawa 1921.

Prądzyński I., *Pamiętniki generała*, t. 1, Kraków 1909.